

«нейронную» сеть следует настраивать с помощью так называемой обучающей выборки – на эту роль идеально подойдут материалы из соответствующего списка¹, достаточно их загрузить в специальную программу (предварительно оцифровав материалы, отсутствующие в электронном виде).

Разумеется, никакая программа не сможет заменить эксперта и уж тем более вряд ли на основании одних лишь компьютерных расчетов какой-либо документ попадет под запрет. Однако применение «нейронных» сетей с разработанными нами формулами может существенно оптимизировать работу по борьбе с религиозным экстремизмом, потому что позволит более точно выявлять документы, которые следует направить на экспертизу, т. е. поднимет эффективность предварительного мониторинга. Тогда эксперты не будут перегружены и смогут оперативно реагировать на направляемые материалы.

О. М. ФАРХИТДИНОВА

*кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии
Уральского юридического института МВД России*

ФАНАТИЗМ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЭКСТРЕМИЗМА

Сложность и противоречивость фанатизма, в целом, и религиозного фанатизма, в частности, отмечена многими исследователями, как в области изучения человеческого сознания, так и в сфере познания поведения индивида и социальных групп. Сегодня изменился статус и формат религиозного фанатизма: это и феномен, и явление. Философский аспект, вне направлений и школ, позволяет обозначить комплексный характер этого феномена. Тревогу вызывает тот факт, что фанатизм как явление связан с наиболее радикальными способами реакции личности на изменения в обществе (социальной сфере), в мировоззрении, внутренней жизни человека. Показательна данная связь, когда речь идет о природе экстремизма в человеческом обществе.

Чувства и поведение людей меняются в зависимости от изменения тех реалий, которые оказывают существенное влияние на становление смысловых максим человека. Изменения в религиозной сфере меняют мысли и чувства людей. Фанатизм и экстремизм – это симптоматичные явления для современного общества. В социально-психологическом смысле фанатизм может стать предвестием экстремистских действий со стороны субъекта. Как же меняются мысли и чувства современного человека? Как отражается это на изменении содержания и значений понятий?

Динамика значений понятия «фанатизм» демонстрирует его переходный характер. Изначально этот термин был задействован в описании религиозного бытия человека, и современное звучание в виде «религиозного фанатизма» для него наиболее естественно, хотя терминологически в таком виде он до

¹ Федеральный список экстремистских материалов. <http://www.minjust.ru/ru/activity/nko/fedspisok/> (дата обращения: 17.03.2011).

сих пор в достаточной степени не локализован. Будучи производным от *fānum* – храм, святилище, применяемое для обозначения жрецов практикующих экстатические культы существительное фанатик вбирает в себя явленный признак, явленную характеристику специфической (сакральной, закрытой для непосвященных) деятельности и поведения субъекта. В этимологическом словаре русского языка Макса Фасмера находим следующие сопоставления: от латинского *fanaticus* – одержимый божеством, неистовствующий, от *fānum* «святыня», к одержимости идей.

В самом общем виде фанатизм – это лишенная рационального коррелята слепая вера в какую-нибудь идею. К видам фанатизма относят: религиозный, расовый, политический, националистический. Этимологически фанатизм происходит от латинского корня, приближенного к значению внерационального понятия «исступленный», это суеверие взамен веры либо крайняя степень приверженности неким идеалам.

Этот акцент уловил Николай Бердяев, размышляя о пафосе ортодоксальной доктрины, о нетерпимости. Высказывания Бердяева как нельзя лучше соответствуют современному состоянию общества, общественных настроений. Все сказанное – как калька с повседневности. «Современный пафос нетерпимости очень отличается от средневекового; тогда действительно была глубокая вера. Средний человек нашего времени идей не имеет, он имеет инстинкты и аффекты. Нетерпимость вызвана условиями войны и *жаждой порядка* (курсив. наш. – О. Ф.). Он знает лишь истину полезную для организации. Двучленное деление мира, вызванное требованиями войны, имеет свои неотвратимые последствия. ...Инакомыслящий рассматривается как преступник. ...В сущности, нет больше идейных врагов, есть лишь враги военные, принадлежащие к враждебным державам. ...Коммунисты, фашисты, фанатики ортодоксального Православия, Католичества или Протестантизма ни с какими идеями не спорят, они отбрасывают противника в противоположный лагерь, на который наставляют пулеметы»¹.

Идеи спасения и гибели, о которых Бердяев ведет речь, – это настроения интеллигенции того времени. Дух эпохи или дух перемен – вот дилемма временного сюжета слома мировоззрений, переворота в массовом сознании, губительного для сознания массы. «Психологически фанатизм связан с идеей спасения или гибели. Для фанатика не существует многообразия мира. Это человек, одержимый одним». Плюрализм современного дискурса почти закономерно влечет за собой фанатизм как протест.

Еще один аспект фанатизма – его определенность в качестве актуализированного бытия. Фанатизм как явление становится интересным в связи с эффектом, который он производит в обществе, на других людей. Речь идет о поклонении, говоря иначе, культивировании такого эмоционального отношения в своем наличном опыте, который зачаровывает, делает человека лишен-

¹ Бердяев Н. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. 1997. № 9.

ным здравого смысла. Часто констатируя фанатичные проявления, исследователи редуцируют их до конкретной психологической ситуации. По всей видимости, корни гораздо глубже – онтологическое проявление утраченной целостности или обнаружение ожиданий целостности в человеке.

Очень трудно данное явление предвидеть, предупредить. Поэтому фанатичная личность часто становится предметом анализа в литературных произведениях. Эсхил, Боккаччо, Рабле провели детальный инструментальный анализ «препарирования» личности фанатика. Вредоносность, которую в фанатизме обнаруживают психологи, социальные философы и многие из тех, кто общественную опасность тех или иных явлений усматривает в нарушении привычного хода вещей, не следует смешивать с причинностью его возникновения и его природой. Отмечаемые особенности природы фанатизма – нарушение рубежа эмоционального состояния, незавершенность стадии отражения объекта и т. д. – результаты мыслительных экспериментов. Дано ли знать наблюдателю истинную природу фанатизма, пусть даже и социального, если формы проявления многочисленны и связаны с культом недостающей целостности. Той целостности, что на протяжении столетий завершить не могут ни в одной формулировке. Понятно лишь, что человек по существу стремится к завершенности в образах целостности. Поклонение объекту страсти, желания, обожания, внимания, знания в конечном итоге выстраивает подобие сакрального отношения.

Например, психологически исключение из своего опыта восприятия объекта, жертвенности и альтруизма – первые признаки иного (в будущем имеющего возможность получить статус фанатичного) отношения. Фанатик тотально и захватывающе агрессивен, обозревая часть объекта проецирует его на целое; происходит процедура подмены, часть наделяется характеристиками целого. Фанатик не в силах преодолеть свой собственный эмоциональный стандарт. Эмоциональный стандарт – это опыт соотношения и работы с воспринятыми объектами, адекватное их соотнесение с требованиями общества и допустимым для наличного индивидуального опыта.

Фанатик – человек настолько посвятивший себя поклонению объекту, что заменяет характеристики его подлинного существования собственными виртуальными убеждениями.

Является ли фанатик человеком массы? По утверждению Х. Ортега-и-Гассета, экстремизм – это способ переживания действительности на основе постоянного чувства отчаяния. Противостояние человека массы и человека элиты – ситуация, описывающая современное общество. Фанатизм в качестве потенциальной возможности для религиозного сознания был предметом анализа И. Канта, Дж. Локка, Ф. Ницше, К. Ясперса, А. Камю. В современных трактовках традиционный стиль обращения к феномену фанатизма сохранился. Такие авторы как Р. Рорти¹, А. Макинтайр¹, О. Хеффе² и др. возводят пра-

¹ См.: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

во в онтологический принцип культуры, где фанатизм наравне с экстремизмом высвечивает локальные отклонения.

Московичи убедителен в способе подхода к массовому сознанию: век толп – это порождение не количественного, но качественного краха убеждений человека³.

Фанатик и религиозный фанатик – это явления не однопорядковые, но основание едино – тотальное погружение в объект и, как следствие, объективация.

Показательна ли ситуация кризиса для того, чтобы осмыслить фанатизм? Кризис нормы общественных отношений, формализация нравственных отношений, сомнение и критицизм – благодатная почва для появления фанатиков, ведь только в таком обществе, где сомнение в возможности добра доведено до абсурда, культ отсутствия того, что решит внутреннюю трагедию в экзистенциальных форматах человека, будет ведущим.

Фанатизм с философских позиций изучался особенно активно начиная с эпохи Просвещения. Хотя еще в период смыслового становления римского права уже был определен статус формализованного отношения, и надо отметить очень высокий статус. Просветители столь явно усомнились в личине безмолвия монахов, что это переживание навсегда вошло в литературную традицию всех последующих поколений (например, Д. Дидро «Монахиня»). Называя данный интерес секуляризацией религиозной жизни, обмирщением культовой и ритуальной практик, что отражает процессы взаимного пересечения сакральной и профанной культур, никак не избежать результатов упрощения внутренней жизни человека. Если культ стал особенностью общественной практики, то и общественная практика стала священнодействием. Формой, а не содержанием.

Другой формат заимствует отношение человека к вере. Это становится предметом анализа на протяжении практически всей истории философской мысли. Версия, что осмысливая веру мы тем самым закладываем основание для сомнения в этом феномене, стала популярной в культуре, где приоритетным взглядом на человека является изучение аспектов его жизни, связанных с повседневностью. Поэтому и вопросы, возникающие у представителей различных взглядов (монизм, дуализм, плюрализм), – это прежде всего вопросы приоритетов (вера и/или знание, вера и сомнение, вера и уверенность, вера и изуверство – фанатизм). Так, Евгений Замятин, осмысливая во многом схожие симптомы, отождествил знание, абсолютно уверенное в том, что оно безошибочно, с верой⁴. Жажда порядка и единственно возможной истины формирует условия для фанатизма.

¹ См.: *Макинтайр А.* После добродетели. М., 2000.

² См.: *Хеффе О.* Политика, право, справедливость. Основовопложения критической философии права и государства. М., 1994.

³ См.: *Московичи С.* Век толп. М., 2003.

⁴ См.: *Замятин Е.* Мы. Антиутопии XX века. М., 1989. С. 43.

Социальный конфликт и конфликт внутренних состояний определения действительности человека как достоверной или мнимой порождает спектр отклонений: как во внешнем поведении человека, так и во внутреннем чувствовании. Как же без фанатичного замещения реальности видимостью и кажимостью? Как быть в толпе с «лицом», есть ли лицо у толпы?

Фанатик, как и экстремист, порождают крайние формы проявления внутреннего желания не подчиняться, вести отчаянную борьбу и сопротивление всему тому, что препятствует якобы волеизъявлению личности. Уважение к праву – это уважение к самой роли гражданина и члена общества, а в пределе – к уникальному положению человека в космосе, следовательно, вспоминая И. Канта: поддержание морали – дело институтов гражданского общества (семьи, школы, религиозных общин, добровольных организаций и союзов), а не полицейских или цензорских государственных служб.

Социальный экстремист в отличие от фанатика религиозного не стремится к саморазрушению, насилие и деструктивные характеристики экстремиста проявляются так, что разрушение распространяется вовне.

Итак, религиозный фанатизм характеризует состояние деиндивидуализации. Для религиозного экстремизма это предельная индивидуализация.

Отсутствие критического восприятия мира и следование собственным (часто мнимым) убеждениям очерчивает пределы фанатичного мироотношения. Слепое следование верованиям и нетерпимость к иным убеждениям соседствуют с энтузиазмом, одержимостью и верой.

Видами религиозного фанатизма являются пуританство, прозелитизм, обрядоверие, религиозная экспансия.

В этом смысле религиозный фанатизм может быть использован как «фактор манипуляции религиозным сознанием».

Негативное значение понятия «фанатизм» – приобретенное. Первоначальная нейтральность термина не сохранилась. Оценивая в том числе и духовную жизнь личности, современное общество ограничивает дозволенное для творчества. От сакрального термина, понятия духовного бытия, понятие «фанатизм» приобрело со временем значение идеологического инструмента. Умение видеть идею, увлекаться и следовать идее в истории оценивалось по разному, но почти всегда с элементами негативного отношения к явлениям такого рода. Появление социальной концепции церкви, миссионерскую деятельность различных деноминаций можно рассматривать тоже как реакцию на фанатизм, разграничение сакрального и профанного.

Литература

Пайпс Р. Собственность и свобода: Рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Р. Пайпс. – М., 2001.

Левицкий С. А. Трагедия свободы: избр. произведения / С. А. Левицкий. – М., 2008.

Сен Амартия. Развитие как свобода. – М., 2004.

Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М., 2003.